Научный поиск: личность, образование, культура. 2026. № 3. С. 126–131.
Scientific search: personality, education, culture. 2026. No. 3. Pp. 126–131.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 159.922.4
ББК 88.542.5
DOI: 10.54348/SciS.2026.3.20

К вопросу о роли геополитического фактора в формировании российского менталитета

Ольга Юрьевна Титова[1], Светлана Салаватовна Арасланова[2], Татьяна Эдуардовна Белянская[3]
[1,2,3] Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова, Воронеж, Россия
[1] olgatitova1983@yandex.ru, ORCID ID: 0009-0004-7754-0125
[2] a.ra-svet@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-8763-3235
[3] tabel71@mail.ru, ORCID ID: 0009-0007-1444-2220

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о роли естественно-природного и геополитического факторов в формировании менталитета русского народа. Комплексное осмысление ментальных доминант национального сознания имеет стратегическое значение для разработки концепций гражданско-патриотического воспитания и модернизации образовательных программ гуманитарного цикла. Расположение на стыке Европы и Азии обусловило историческую миссию народов России – сохранение геополитического равновесия на евразийском континенте. Синтез элементов социально-культурных установок разных этносов, наложившийся на монументальную славянскую основу проявляется не только в социальных практиках русских, но и в ментальных архетипах, сочетающих западную рациональность с восточной созерцательностью, общинный коллективизм с имперским универсализмом. Русский народ, являющийся государствообразующим в России, составил основу для формирования единой российской цивилизации и внес значительный вклад в ее развитие.

Ключевые слова: русский народ, менталитет, геополитический фактор, природно-климатические условия.

Для цитирования: Титова О.Ю., Арасланова С.С., Белянская Т.Э. К вопросу о роли геополитического фактора в формировании российского менталитета // Научный поиск: личность, образование, культура. 2026. № 3. С. 126–131. https://doi.org/10.54348/SciS.2026.3.20

CULTUROLOGY

Original article

On the role of geopolitical and natural factors in the formation of the Russian maentality

Olga Yu. Titova[1], Svetlana S. Araslanova[2], Tatyana E. Belyanskaya[3]
[1,2,3] Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov, Russia
[1] olgatitova1983@yandex.ru, ORCID ID: 0009-0004-7754-0125
[2] a.ra-svet@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-8763-3235
[3] tabel71@mail.ru, ORCID ID: 0009-0007-1444-2220

Abstract. This article examines the role of natural and geopolitical factors in shaping the mentality of the Russian people. A comprehensive understanding of the mental dominants of national consciousness is of strategic importance for the development of concepts of civic and patriotic education and the modernization of educational programs in the humanities. The location at the junction of Europe and Asia determined the historical mission of the peoples of Russia – to preserve the geopolitical balance on the Eurasian continent. The synthesis of elements of socio-cultural attitudes of different ethnic groups, superimposed on the monumental Slavic basis, is manifested not only in the social practices of Russians, but also in mental archetypes combining Western rationality with Eastern contemplation, communal collectivism with imperial universalism. The Russian people, which is a state-forming nation in Russia, formed the basis for the formation of a unified Russian civilization and made a significant contribution to its development.

© Титова О.Ю., Арасланова С.С., Белянская Т.Э., 2026

Keywords: Russian people, mentality, geopolitical factor, natural and climatic conditions.

For citation: Titova O.Yu., Araslanova S.S., Belyanskaya T.E. On the role of geopolitical and natural factors in the formation of the Russian maentality. *Nauchnyj poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura = Scientific search: personality, education, culture.* 2026. No. 3. Pp. 126–131. (In Russ). https://doi.org/10.54348/SciS.2026.3.20

Актуальность. Начиная с середины XX века наблюдается экспоненциальный рост воздействия этнокультурных факторов на глобальные исторические процессы. В этой связи особый исследовательский интерес представляют этносы, чье влияние оказалось детерминирующим для формирования цивилизационной парадигмы.

Экспликация специфики русского этноменталитета открывает новые перспективы изучения отечественной истории, обеспечивая деконструкцию генезиса российской государственности и критический анализ потенциала титульной нации как системообразующего элемента политической системы. Изучение ментальных констант русского народа способствует выявлению их аксиологической уникальности. Это создает методологическую базу для анализа российской социокультурной системы, где ментальные структуры выступают ключевым элементом социальной стратификации и культурогенеза.

Методы и организация исследования. Анализ отечественных исторических исследований позволяет реконструировать концепт российского национального сознания через призму современных междисциплинарных подходов, что приобретает особую методологическую значимость. В основе исследования использован комплекс культурологических методов, такие как функциональный, аналитический, компаративный, диалектический, историко-типологический, структурно-семиотический, диахронический, синхронический, биографический.

Анализ результатов исследования. Понятие «менталитет», введенное в научный оборот сравнительно недавно, продолжает оставаться предметом дискуссий в гуманитарных дисциплинах. Несмотря на смысловую близость к таким терминам, как «идеологическая система», «национальный характер», «архетипическая структура», оно обладает специфическим категориальным статусом, исключающим возможность его полной замены одним из этих концептов.

Если рассматривать нацию как большую социальную группу, то принадлежащий ей индивид перенимает ее характеристики. Более того, социальные факторы отодвигают индивидуальные особенности на второй план по отношению к групповым (языку, культуре). То есть, менталитет, являясь фундаментальной особенностью нации, представляет собой продукт взаимодействия в социуме, выраженный в единстве мыслей, культурном своеобразии и имеющий опору на экономические и политические условия в исторической ретроспективе.

Сущность менталитета переплетена с сознанием и мышлением и имеет не только культурно-историческую, но и геополитическую обусловленность. Так, уникальные естественно-природные, политико-географические и хозяйственно-деятельностные условия оказали значительное воздействие на формирование самобытных ментальных особенностей государствообразующего этноса Российской Федерации – русских.

В научном пространстве существуют диаметральные мнения по поводу влияния природно-климатического фактора на становление русского менталитета. Дискуссионность данного вопроса обусловлена сложностью и многогранностью взаимосвязи природной составляющей и ментальных характеристик социума. При этом значимость географического аспекта в формировании отдельных черт характера русских не вызывает сомнений. По словам выдающегося современного ученого В.П. Океанского, «как бы мы ни оценивали это исходное обстоятельство, нельзя не увидеть его колоссального значения для русской мысли и словесности» [Океанский, 2015, с. 3]. В своих работах исследователь акцентирует внимание на категориальной значимости природного компонента в контексте культурно-цивилизационного развития российского государства, анализирует обширный корпус философско-исторических и литературных трудов, в которых рассматривается детерминирующая роль территориальных пространств в становлении российской государственности в целом и особенностей русского менталитета в частности. Так, например, В.П. Океанский приводит слова А.С. Хомякова, ярко демонстрирующие значение пространственного фактора в жизни русского человека: «русский… живет более в категории пространства, чем времени» [Цит. по: Океанский, 2016, с. 29]. Наряду с множеством ярких суждений выдающихся мыслителей своего времени на интересующую нас тему ученый иллюстрирует высказывание недостаточно, по его мнению, изученного философа Н.М. Зернова о природном влиянии на психологические особенности русских: «Психология русского народа и особенности его культуры во многом объясняются климатом и рельефом Русской равнины... Русская равнина умеет привязывать человека к земле, не уставая в то же время напоминать ему о Вечности» [Цит. по: Океанский, 2016, с. 32].

«В судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства» [Бердяев, 1990, с. 62], – писал Н.А. Бердяев. «С внешней, позитивно-

научной точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактором русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – география русской души» [Там же, с. 64]. Однако размеры русского государства влекли за собой непосильные для народа задачи (организация государства и его охрана), что создавало напряжение и приводило к истощению, а бескрайние поля и снега подавляли русскую душу своей необъятностью, тем самым лишая ее радости и творческого начала. Эта расплывчатость в пространстве и «ушибленность ширью» привела, по мнению мыслителя, к отсутствию в русском характере самодисциплины и самодеятельности, а смирение русского человека стало его самосохранением [Там же].

Некоторые скептически настроенные представители философской мысли XIX века подчеркивали негативное влияние пространственно-географического фактора на русский менталитет. Так, например, П.Я. Чаадаев, видел это обстоятельство русского бытия причиной «умственного бессилия» народа. Иронизировал на данную тему и П.А. Вяземский, говоря, что «у нас от мысли до мысли – пятьсот верст» [Океанский, 2016, с. 33].

Климат большей части территории расселения русских считается сложным для ведения хозяйственной деятельности. С точки зрения ряда исследователей это обстоятельство также привело к их мягкости, неспособности к борьбе любыми неблагоприятным условиями не только природными, но и жизненными. Такие условия способствовали лишь ограниченному обеспечению основных потребностей, что существенно сузило возможности для активной деятельности и развило умеренность в запросах и непритязательность в отношении материальных благ, поэтому в русском характере наблюдается всетерпимость [Иванов, 1988].

Согласно противоположной точке зрения, бескрайность территорий и географические условия отразились на широте русской души и открытости. «Русский мир жил и рос в пространственных просторах и сам тяготел в просторной нестесненности. Природная темпераментность души влекла русского человека к прямодушию и открытости» [Ильин, 2007, с. 132]. При этом подчеркивается высокая сила духа и стойкость в достижении цели. Особенно ярко данные качества проявились в периоды экстремальных ситуаций в жизни русского народа [Арасланова, 2025]. «Еще при первом вторжении татар русский человек предпочитал смерть рабству и умел бороться до последнего. Таким он оставался и на протяжении всей своей истории», – писал И.А. Ильин [Ильин, 2007, с. 133]. Действительно, в русской истории масса примеров, демонстрирующих высокую стойкость народа, способность достойно переживать лишения и идти к своей цели, преодолевая даже самые сложные препятствия. Вполне вероятно, именно суровые климатические условия оказали влияние на выработку этих качеств характера русских.

Природно-климатический фон предопределяет виды жизнедеятельности, возможные на конкретном территориальном пространстве, от которых, в свою очередь, в немалой степени зависят ментальные свойства народа. По этому признаку все народы условно делятся исследователями на две группы: завоевательные и земледельческие. Завоевательные народы, исторически локализованные на ограниченных ареалах, должны были постоянно решать задачу расширения для себя жизненного пространства, что способствовало кристаллизации агрессивных поведенческих механизмов, проявляющихся не только в военных практиках, но и в культурной ксенофобии ко всему чужому. Славяне же относились к типичным представителям земледельческих народов. Занимая огромное территориальное пространство, им не приходилось думать о том, как его приумножить, первостепенным вопросом было развитие на этих территориях хозяйства. Такие народы, как правило, восприимчивы ко всему чужому и в силу мягкости своего характера легче других поддаются ассимиляции, изменяя при этом свои национальные племенные черты. Учитывая промежуточное геополитическое положение территории расселения восточных славян, незащищенность их ни с Запада, ни со стороны Азии, они достаточно легко поддавались процессу ассимиляции [Марков, 1993]. Это также поспособствовало выработке уникальных, включающих межэтнический симбиоз, черт характера, передавшихся одним из их потомков – русским.

Анализ формирования русского национального менталитета требует учета цивилизационной специфики его носителей. После распада советской модели государственности в академической среде актуализировались дискуссии о месте России в глобальном цивилизационном пространстве, а также о необходимости интеграции страны в универсальную «общечеловеческую цивилизацию», трактуемую через призму европоцентризма, согласно которой, олицетворением общечеловеческой цивилизации преподносится Запад.

Концептуальной основой данного подхода выступает бинарная модель цивилизационной типологии, разделяющая мировые культуры на западный (либеральный, индивидуалистический) и восточный (традиционный, коллективистский) полюса. Однако славянская, а впоследствии русская идентичность исторически занимала промежуточное положение в этой системе.

Пространственная локализация славянских народов, находившихся на перекрестке взаимодействий с Западом, Востоком и южными регионами, предопределила их многовекторные контакты с народами, проживающими в данных ареалах, и, как следствие, некий синкретизм их культурного кода.

В данном контексте особого внимания заслуживает транзитная функция территории восточнославянского ареала, через которую пролегал торговый путь «из варяг в греки». Сложившаяся коммуникационная артерия выполняла не только экономическую функцию, обеспечивая торговлю с Византийской империей и сопредельными регионами, но и стала катализатором социокультурных трансформаций, таких как рост городов, возникновение новых административных структур, складывание интенсивного межкультурного диалога.

Все это сопровождалось проникновением на Русь религиозных идей, поскольку, зачастую, вместе с торговыми караванами сюда прибывали христианские миссионеры, чья деятельность подготовила почву для последующей христианизации. Принятие новой религии и установление устойчивых контактов с византийской цивилизацией стали определяющими факторами в генезисе русского менталитета, впитавшего христианское осмысление своего земного существования. Отметим, что данный аспект представляет самостоятельный исследовательский интерес, требуя отдельного подробного рассмотрения.

Срединное территориальное положение русских городов в какой-то степени способствовало нашествию монголо-татар и установлению Золотоордынского ига на Руси. Традиционно данное явление описывалось только негативными красками. Однако современные исследователи все чаще подчеркивают его неоднозначное влияние на быт, нравы и менталитет русского народа [Поликарпов, 1995].

Безусловно, монголо-татарское иго нанесло не только непоправимый ущерб экономике Руси посредством ее стагнации, но и привело к травматизации коллективного сознания, оставив болезненный отпечаток в памяти народа. По мнению П.Н. Савицкого, последующие жестокие бунты и кровавые события истории являются отголоском унаследованной русским народом душевной раны, связанной с игом. Неизмеримый ущерб был нанесен и чувству собственности и правосознания. Необходимость постоянно начинать все с нуля развила отношение к собственности как к чему-то ненадежному [Савицкий, 1993].

При этом парадоксальным образом многовековая зависимость культивировала в русском менталитете сочетание стоицизма, стратегической выдержки и адаптационной гибкости, способствовала воспитанию сильных качеств русского характера.

Радикальный пересмотр тюркского влияния на русских предлагает евразийская школа, альтернативно интерпретируя тюркско-славянский симбиоз. Отвергая крайности в оценке монгольского влияния, ее представители подчеркивают этнокультурный синтез, отразившийся в антропологическом облике и ментальных установках. Такие феномены, как созерцательность, ритуализированность повседневности и культ «удалого» поведения, генетически восходящие к степным традициям и не встречающиеся в такой высокой степени у других православных славян, демонстрируют отличие русского менталитета не только от западноевропейского, но и от общеславянского паттерна [Трофимов, 2000].

Пространственный фактор (колоссальная территория расселения) детерминировал двухуровневую организацию русского социума: микроуровень, основанный на персонифицированных коммуникациях, и макроуровень, представленный институциональными структурами, формировались под воздействием противоположных сил – общинного уклада и авторитарной государственности. При этом централизация власти представляется не как продукт монархического волюнтаризма, а как имманентная необходимость, компенсирующая анархические тенденции и обусловленная геополитическими вызовами [Там же]. Так, по мнению И.А. Ильина, русский народ, способный жертвенно служить родине, в то же время не единожды на протяжении своей истории демонстрировавший тягу к хаосу и государственному распаду, поставлен в условия необходимости сильной власти «силою равнинного пространства, силою национального темперамента, силою славянского индивидуализма и слабостью своей общественной дисциплины» [Ильин, 2007, с. 326].

Возможно, именно по этой причине государственно-ориентированное сознание русского социума исторически выражалось через антропоморфную проекцию института верховной власти. В коллективном бессознательном, укорененном в архетипических структурах массового сознания, сформировалась устойчивая парадигма сакрализации единоличного носителя суверенитета – будь то княжеская, царская или императорская ипостась. Данный феномен способствовал складыванию такой специфической политической культуры, где социальный порядок осуществлялся исключительно через персонифицированную фигуру монарха-покровителя. Эта проявилось в устойчивой сакрализации образа главы государства как трансцендентного гаранта стабильности, что обусловило формирование уникального типа политического сознания, сочетающего патерналистские ожидания и мистическое восприятие верховной власти.

В этой связи отметим одну из загадок русской души: недоверие к государству наряду с поклонением ему. Черты поклонения власти и в то же время

презрение ее законов проявлялись не только в царское время, но и в период построения социализма в России. Человек в этой системе не должен был выделяться из толпы. Эти установки достаточно легко нашли отклик в умах основной массы русских, возможно, потому что причастность к «мы» была широко распространена в общественном сознании еще задолго до начала построения социализма [Трофимов, 2000].

По мнению А.О. Бороноева, склонность к некоторой скучкованности в российском обществе сформировалась как раз под влиянием геополитического расположения страны и сурового климата. В этих условиях сложно, а иногда даже невозможно прожить одному. Поэтому, зачастую, когда где-то раздается громкое «я», русским проще для всех будет сказать «мы» [Бороноев, 1992].

Возможно, именно по этой причине «общинное мышление» так органично вписалось в менталитет русского народа. Действительно, неблагоприятные климатические и природные условия создавали объективные препятствия к автономному выживанию. К тому же, в рамках общины значительную роль играло коллективное взаимодействие и соседская взаимопомощь, породившая, в свою очередь, особые этико-мировоззренческие установки: солидарность в решении общих задач, ориентация на защиту коллективных ценностей, приоритет групповых интересов над индивидуальными.

В советский период доминирование общественного над личным достигло апогея, что привело к системной интеграции коллективных норм в идеологический дискурс.

Итак, промежуточное географическое расположение славянских племен обусловило их активное взаимодействие с различными цивилизациями в восточном, западном и южном направлениях. Со временем историческая динамика привела к культурной дивергенции славян: западная ветвь ассимилировалась с романо-германским миром, южная – стала проводником эллинистических традиций через византийское посредничество, участвуя в создании уникальной балканской культуры. В свою очередь, уникальность культурогенеза восточнославянского региона обусловлена синтезом четырех влиятельных цивилизационных парадигм, чье взаимодействие сформировало особый этнокультурный синкретизм, проявившийся в органичном соединении автохтонной славянской традиции с византийскими канонами православия, наслоением тюрко-монгольских институтов управления и некоторых культурно-поведенческих особенностей, а также ассимиляцией финно-угорских антропологических черт и хозяйственных практик. Такой поликультурный симбиоз, сформированный в ходе многовекового контактного развития, предопределил формирование уникальной социокультурной матрицы, отличной как от западноевропейской, так и от азиатской моделей цивилизационного развития.

В этой связи необходимо подчеркнуть принадлежность русских к числу суперэтносов, то есть этнических образований, сформировавшихся на полиэтнической основе: славянское влияние на его формирование самое мощное, являющееся стержнем русского менталитета, но отнюдь не единственное [Марков, 1993]. Этот монументальный сплав, кристаллизовавшийся в процессе многовекового взаимодействия с соседними цивилизациями, породил уникальный культурный код русского народа.

Выводы. Таким образом, геополитический и природный факторы оказали значительное влияние на формирование русского менталитета. Расположение на стыке Европы и Азии обусловило историческую миссию народов России – сохранение геополитического равновесия на евразийском континенте [Копалов, 1996]. Данная задача достаточно сложна для страны и ее народов, поскольку им приходилось и приходится выступать своеобразным щитом, принимающим многочисленные удары [Смирнов, 2004]. Это, безусловно, закаляет и без того крепкий русский характер, формированию уникальных черт которого способствовали в том числе обширная территория расселения и разнообразные, зачастую суровые климатические условия, обусловившие формирование коллективного сознания и чувства общности русских.

Синтез элементов социально-культурных установок разных этносов, наложившийся на монументальную славянскую основу проявляется не только в социальных практиках русских, но и в ментальных архетипах, сочетающих западную рациональность с восточной созерцательностью, общинный коллективизм с имперским универсализмом. Это особенно важно, поскольку русский народ, являющийся государствообразующим в России, составил основу для формирования единой российской цивилизации и внес значительный вклад в ее развитие.

Исследования этнопсихологических особенностей в контексте формирования интегративной идеологической платформы приобретают сейчас приоритетное значение, поскольку могут поспособствовать консолидации многонационального российского общества. Комплексное осмысление ментальных доминант национального сознания имеет стратегическое значение для разработки концепций гражданско-патриотического воспитания и модернизации образовательных программ гуманитарного цикла. Это направление исследований представляется особенно актуальным для образовательных систем различных уровней, где требуется синтез классических парадигм и инновационных подходов в преподавании социальных дисциплин.

Список источников

Арасланова С. С. Особенности русского характера в творчестве Н. Бердяева // Метафизика патриотизма: воспитание духа и формирование гражданина: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 24 апреля 2025 г. Воронеж: Министерство науки и высшего образования ФГБОУ ВО «ВГЛТУ», 2025. С. 5-7.

Бердяев Н. А. О власти пространств над русской душой // Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринт. изд. Москва: Философское общество СССР, 1990. С. 62 – 68.

Бороноев А. О., Смирнов П.И. Россия и русские: характер народа и судьбы страны. Санкт-Петербург: Ленизда, 1992. 144 с.

Иванов С. К. О возможном подходе к изучению русского национального характера // Советская этнография. 1988. № 2. С. 72–78.

Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. Москва: Алгоритм, 2007. 464 с.

Копалов В. И. Россия и русский народ в творчестве Ф.М. Достоевского // Судьба России: Духовные ценности и национальные интересы: Тезисы 2-й Всероссийской конференции (Екатеринбург, 21-22 февраля 1996 г.). Екатеринбург: УрГУ, 1996. С. 382-385.

Марков Б. В. Разум и сердце: история и теория менталитета. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. 229 с.

Океанский В. П. Власть пространственного фактора в российской культурно-цивилизационной истории и метафизические особенности патриотизма в России // На пути к гражданскому обществу. 2015. №4 (20). С. 56-60.

Океанский В. П. Сакральный космос россиеведения. Учебное пособие спецкурса по культурологии. Иваново: ЧОУ ВО «Институт управления», 2016. 166 с.

Поликарпов В. С. История нравов в России. Восток или Запад? Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 575 с.

Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории // Вопросы истории. 1993. №11–12. С. 123–139.

Смирнов П. И. Слово о России: беседы о российской цивилизации. Санкт-Петербург: Химиздат, 2004. 325 с.

Трофимов В. К. Генезис и сущность русского национального менталитета. Ижевск: Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, 2000. 286 с.

References

Araslanova S. S. The peculiarities of the Russian character in the works of N. Berdyaev. In: The metaphysics of patriotism: education of the spirit and formation of a citizen: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, April 24, 2025 Voronezh: Ministry of Science and Higher Education, VGLTU, 2025. Pp. 5-7. (In Russ).

Berdyaev N. A. On the power of spaces over the Russian soul. In: Fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality. Reprint. ed. Moscow: Philosophical Society of the USSR, 1990. Pp. 62-68. (In Russ).

Boronoev A. O., Smirnov P.I. Russia and the Russians: the character of the people and the fate of the country. Saint Petersburg: Lenizdat, 1992. 144 p. (In Russ).

Ivanov S. K. On a possible approach to the study of the Russian national character. *Sovetskaya etnografiya* = Soviet ethnography. 1988. No. 2. Pp. 72-78. (In Russ).

Ilyin I.A. National Russia: our tasks. Moscow: Algorithm, 2007. 464 p. (In Russ).

Kopalov V. I. Russia and the Russian people in the works of F.M. Dostoevsky. In: The Fate of Russia: Spiritual values and National interests: Abstracts of the 2nd All-Russian Conference (Yekaterinburg, February 21-22, 1996). Yekaterinburg: USU, 1996. Pp. 382-385. (In Russ).

Markov B. V. Mind and heart: history and theory of mentality. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1993. 229 p. (In Russ).

Okeansky V. P. The power of the spatial factor in Russian cultural and civilizational history and the metaphysical features of patriotism in Russia. In: On the way to civil society. 2015. No. 4 (20). Pp. 56-60. (In Russ).

Okeansky V. P. The sacred cosmos of Russian Studies. The textbook of the special course on cultural studies. Ivanovo: CHOU VO “Institute of Management”, 2016. 166 p. (In Russ).

Polikarpov V. S. The History of morals in Russia. East or West? Rostov-on-Don: Phoenix, 1995. 575 p. (In Russ).

Savitsky P. N. Geopolitical notes on Russian history. *Voprosy istorii = Questions of History*. 1993. No. 11-12. Pp. 123-139. (In Russ).

Smirnov P. I. The Word about Russia: conversations about Russian civilization. Saint Petersburg: Khimizdat, 2004. 325 p. (In Russ).

Trofimov V. K. The genesis and essence of the Russian national mentality. Izhevsk: Izhevsk State Agricultural Academy, 2000. 286 p. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 28.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 16.04.2026.

The article was submitted 28.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 16.04.2026.